

Война въ русской художественной литературѣ.

(Критическій этюдъ).

1.

Надняхъ мнѣ пришлось выслушать отъ нѣсколькихъ лицъ мнѣніе, что въ періодъ военной бури обществу не до изящной литературы, никто теперь не станетъ читать романовъ, повѣстей и разсказовъ, и беллетристъ подобенъ продавцу драгоценныхъ бездѣлушекъ, можетъ быть, и очень красивымъ, но никому ненужныхъ тогда, когда фунтъ хлѣба почти равенъ по цѣнѣ любой изъ нихъ.

Иными словами, война—желанное «мыслящему реалисту» время побѣды печного горшка надъ Аполлономъ.

Парадоксъ оригинальный и смѣлый всетаки останется парадоксомъ.

Несомнѣнно, на аванпостахъ и передовыхъ позиціяхъ, въ стѣнахъ осажденной крѣпости, на вышедшей въ море эскадрѣ не бу-

дуть читать не только журналовъ, но даже газетъ, по двадцати двумъ причинамъ, изъ которыхъ первой будетъ—отсутствіе того и другого, а второй—недостатокъ времени. Но, кромѣ дѣйствующей арміи, въ военное время не перестаетъ существовать общество, въ значительной части не занятое войной непосредственно; невозможно призвать подъ знамена все, безъ изъятія, населеніе государства. И въ этой военно-пассивной части художественное творчество слова имѣетъ теперь такое же законное право на существованіе, какъ и въ часъ мира.

Подобно Архимеду, многіе великіе писатели, хотя бы Гете, Шиллеръ, Гюго, писали лучшія вещи въ то время, какъ ихъ родина подвергалась настоящему разгрому, и въ состояніи ли мы упрекнуть ихъ за это? Художественное творчество націи, подобно крови, текущей въ нашихъ жилахъ, не должно останавливаться даже тогда, когда надъ отчизной виситъ роковой вопросъ: «Быть или не быть»?

Потрясая духовный міръ народа, война оказываетъ несомнѣнное вліяніе и на творчество беллетриста. Если послѣднее до нея было вяло и направлено на лесть, вычурность, угожденіе низкимъ инстинктамъ толпы, то очистительная гроза нерѣдко рождаетъ въ искусствѣ свѣжія ноты патриотизма и самопожертвованія. Если, наоборотъ, общественный патриотизмъ выродился передъ войной въ грубую форму шовинистическаго задора и безшабашнаго хвастовства, то первыя военныя неудачи, случается, пробуждаютъ въ массахъ раскаяніе въ легкомысліи и стремленіе къ исправленію ошибокъ. И, если во Франко-прусскую войну 1870 г. раскаяніе Франціи не привело къ желаннымъ результатамъ, то въ Русско-турецкую 1877—78 гг. перемѣна общественнаго настроенія Россіи послѣ неудачи, казавшагося такимъ легкимъ, перваго похода на Балканы сыграла извѣстную роль въ ходѣ военныхъ дѣйствій.

И не только беллетристика, отражающая современное патриотическое или критическое настроеніе общества, имѣетъ во время войны право на существованіе и найдетъ читателей. Ихъ будетъ имѣть всякое художественное произведеніе, даже на темы общепсихологическія или бытовыя. Наше поколѣніе давно привыкло смотрѣть на изящное чтеніе, какъ на отдыхъ послѣ труда. Одними газетными телеграммами, наскоро пробѣгаемыми, сытъ не будешь, и красивый рассказъ, отвлекши мозгъ отъ постояннаго напряженія, сыграетъ роль брома или валерьяновыхъ капель.

Развѣ ужъ только вздыхать надъ какими-нибудь аркадскими

идилліями или черезчуръ сѣдой стариной, въ то время, какъ льется живая кровь, покажется стыдно совѣстливому человѣку. Ну, да ими и во время мира мало интересуются.

2.

Война оказываетъ вліяніе на литературу. Литература до нѣкоторой степени вліяетъ на войну, какъ на всякое жизненное явленіе. Описаніе ужасовъ войны со всей реальностью въ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ талантливыми писателями девятнадцатаго и двадцатаго вѣковъ имѣло незамѣтное, но значительное вліяніе на созданіе системы европейскаго равновѣсія, появленіе гуманных постановленій международныхъ конвенцій, образованіе трибунала въ Гаагѣ. Войны стали рѣже, способы веденія ихъ—человѣчнѣе, и современной европейской войнѣ предшествовалъ миръ, по своей продолжительности, насколько помнится, не имѣющій себѣ равнаго чуть не со временъ Римской имперіи.

Какъ же, въ общемъ, относится художественное творчество къ войнѣ, какъ понимаетъ оно ея законы, какія области въ военныхъ дѣйствіяхъ его интересуютъ, какъ связываетъ оно войну съ національными задачами и общимъ ходомъ цивилизаціи?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, имѣя въ виду всю европейскую литературу,—задача крайне сложная и трудно выполнимая. Война всегда была и будетъ, съ какой точки зрѣнія на нее ни гляди, неистощимой темой для художника. Авторъ настоящаго бѣглаго эскиза ставитъ себѣ болѣе скромную и посильную цѣль: сдѣлать передъ глазами читателя обзоръ произведеній русской изящной словесности, преимущественно девятнадцатаго столѣтія, касающихся войны, и постараться болѣе или менѣе опредѣленно выяснять отношеніе къ войнѣ русскаго народа, на основаніи произведеній его поэзіи.

3.

До Пушкина, слѣдуя ложно-классическимъ принципамъ, наши писатели изображали войну по гомеровски. Интересъ описанія сосредоточивался на военныхъ сценахъ, исполняемыхъ героями, говорившими гордыя, высокопарныя фразы и дравшимися съ врагомъ изящными жестами французскихъ маркизовъ. Подобно тому, какъ въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ міровыхъ произведеній, «Иліадѣ»,

при всей красотѣ ея сценъ, представляется здравомыслящему читателю величайшей нелѣпостью десятилѣтняя осада хорошо укрѣпленнаго города съ большимъ гарнизономъ-арміей, не имѣвшей другаго сообщенія съ своей базой, кромѣ моря, и едва не погибшей, когда кораблямъ угрожала пожарь; только ради того, чтобы вернуть одному изъ греческихъ царей похищенную супругу, такъ, въ произведеніяхъ ближайшихъ предшественниковъ и даже нѣкоторыхъ современниковъ Пушкина, видя краснорѣчивыхъ и благородныхъ царей, полководцевъ и даже простыхъ воиновъ, удивляешься странному ихъ сходству между собой и полнѣйшему отсутствію налета на нихъ національности и быта. Стоитъ переимѣнить костюмъ, замѣнить въ рѣчи «Россія» «Франціей», и отъ хотя бы Дмитрія Донского не останется рѣшительно ничего. При подобной отвлеченности типа, конечно, будетъ напрасно искать въ герояхъ-воинахъ Сумарокова, Озерова или Княжнина представителей національнаго взгляда на то или другое общественное явленіе.

Пушкинъ далъ неуываемую картину Полтавскаго боя, но чего-либо новаго, свойственнаго исключительно русскому быту и воззрѣніямъ, идеи «Полтавы» не представляютъ. Когда чужеземный врагъ вторгается въ государство, всякій народъ, не утратившій окончательно чувства національнаго достоинства, поднимется, какъ одинъ человѣкъ, и борьба будетъ не на жизнь, а на смерть. Война въ «Полтавѣ» представляется стихійнымъ столкновеніемъ шведской арміи и русской, двухъ грозовыхъ тучъ. Одни нападаютъ, другіе защищаются: это естественно, но опять-таки отвлеченно. Какъ смотрѣли на нашествіе шведовъ русскіе люди, какъ относились къ своей задачѣ шведы и что хотѣли сдѣлать съ Россіей ихъ король, почему полунезависимая Украина не пошла за Мазепой, а предпочла остаться вѣрной Россіи,—все эти яркія и характерныя черты забыты ради титаническаго образа Петра и романтической фабулы идеализированнаго похищенія дочери Кочубея, доносъ котораго Петру представленъ исключительно дѣломъ личной мести.

Несравненно болѣе заслуживаетъ вниманія первое и лучшее произведеніе русской литературы «Капитанская дочка».

Фигура скромнаго коменданта Бѣлогорской крѣпости, капитана Миронова, высоко-героическая, въ то же время глубоко-национальна и характерна. Кому, какъ не ему, лучше знать и видѣть, что пресловутая «крѣпость» страшна лишь для полудикихъ башкиръ, что инвалиды ея—никуда негодный сбродъ, а помощи ждать неоткуда? И, несмотря на это, онъ считаетъ своимъ долгомъ защи-

щаться до конца противъ противника, болѣе чѣмъ вдесятеро сильнѣйшаго, безъ всякихъ колебаній готовясь къ смерти. «Умирать, такъ умирать,—дѣло служивое». Сколько разъ случалось ему говорить эти слова!

Наша военная исторія знаетъ сотни подобныхъ героевъ, и творчество великаго поэта въ этомъ образѣ стоитъ въ несравненно большей связи съ жизнью, чѣмъ въ идеализированной послѣднюю «Полтавѣ».

Опоэтизовавъ войну въ своей поэмѣ и реально изобразивъ ее же въ повѣсти, Пушкинъ не оставилъ намъ въ своихъ произведеніяхъ личнаго взгляда, чѣмъ онъ самъ считаетъ войну, добромъ или зломъ, освѣжительной грозой или бѣдствіемъ, терпимымъ до лучшихъ временъ. Пѣвца красоты и здѣсь плѣняла одна красота подвига безъ идейной критики явленія.

Совершенно иначе отнесся къ войнѣ Лермонтовъ. Въ «Бородинѣ», тоже своего рода героической поэмѣ, звучатъ новыя ноты. Тамъ нѣтъ ни Кутузова, ни Багратіона, ни Ермолова, ни Раевского. Герой Бородина, весь народъ въ лицѣ его арміи. Развѣ не черта психологіи массы—ропотъ на непонятное отступленіе закаленной въ бояхъ съ тѣми же французами арміи и зарождающіеся исподволь слухи объ измѣнѣ?

Не смѣютъ что-ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?

Такъ думала и чувствовала тогда почти вся Россія. И трогательное заключеніе:

Не будь на то Господня воля,
Не отдали-бъ Москвы.

такъ же вѣрно русскому духу. Народъ принесъ страшныя жертвы, но не побѣдилъ врага. Значитъ, ропотъ несправедливъ и обвиняемые въ измѣнѣ невиноваты. Господь наказываетъ, да будетъ Его святая воля. Тяжело отдать Москву, но видно такъ Богу угодно.

Этотъ переходъ отъ мятежнаго недовольства къ самоотверженному смиренію характерная особенность «народа-богоносца», нигдѣ такъ не подчеркнутая, какъ въ Россіи.

Въ «Полтавѣ» замираютъ послѣдніе звуки одъ Ломоносова и Державина, въ «Бородинѣ» слышится предчувствіе мелодіи «Войны и Мира», какъ въ «Казачьей колыбельной пѣснѣ» кладется начало

взгляду на войну, какъ, быть можетъ, неизбѣжное, но тяжелое народное горе,—взгляду, рѣзко въ послѣдствіи подчеркнутому въ «Внимая ужасамъ войны» и другихъ стихотвореніяхъ Некрасова.

Еще рѣзче ставить вопросъ Лермонтовъ въ «Валерикъ», написанномъ подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній одной изъ кавказскихъ экспедицій. Здѣсь поэтъ рѣзко и категорически осуждаетъ войну словами:

Жалкій человекъ...
 Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
 Подъ небомъ мѣста много вѣмъ,
 Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ. Зачѣмъ?

Совершенно отсутствуетъ вопросъ о войнѣ въ произведеніяхъ третьяго титана нашей поэзіи, Гоголя, если не считать «Тараса Бульбы». Но походъ запорожцевъ скорѣе рыцарскій набѣгъ, чѣмъ война. Показать казацкую удаль и даже отмстить за поруганіе вѣры православной не могло быть цѣлью войны. Воевать только изъ-за мести и чувства національной вражды не сталъ бы никто даже и въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Настоящая война ставитъ себѣ строго опредѣленныя задачи, которыхъ должна достигнуть каждая изъ воюющихъ сторонъ. У запорожцевъ могло быть ею освобожденіе Украины изъ подъ власти Польши. Но тогда бы они не пошли одни, а, какъ сдѣлалъ позже Хмѣльницкій, постарались бы поднять всю Украину и подыскать союзниковъ. Борьба съ Польшей была дѣломъ нешуточнымъ. Постоянныя возстанія Украины имѣли огромное историческое значеніе въ судьбѣ ея и всей Россіи, но войнами ихъ все-таки назвать нельзя, кромѣ возстанія Хмѣльницкаго, да и то только въ окончательной стадіи, когда возникъ вопросъ о соединеніи Украины съ Россіей.

«Тарасъ Бульба» полонъ красочныхъ картинъ подвиговъ, напоминающихъ сцены «Иліады», но тутъ, какъ и въ гомеровской поэмѣ, отведено очень мало мѣста критическому взгляду автора. Если бы даже повѣсть говорила о войнѣ въ точномъ смыслѣ слова, то и тогда она была бы произведеніемъ чистаго искусства, спокойно зрящаго «на правыхъ и виновныхъ» и трактующаго жизнь, какъ она есть. Въ самомъ дѣлѣ, разберитесь, какъ относится авторъ къ гибели Андрея,—жертвой онъ его считаетъ или преступникомъ? Здѣсь возможенъ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ толкованій.

4.

Строгость цензурныхъ условій николаевскаго времени и въ особенности въ отношеніи всего касающагося арміи и военнаго быта была причиною того, что въ 40—50 гг. военные изображались въ русской беллетристикѣ въ искусственно-приподнятыхъ тонахъ рыцарей безъ страха и упрека, какъ у Загоскина, или романтическихъ героевъ, связанныхъ съ арміею болѣе, чѣмъ слабо, какъ у Марлинскаго. Къ тому же большихъ войнъ въ этотъ періодъ не было. Польская и венгерская кампаніи кончились скоро, не оказавъ существеннаго вліянія на внутреннюю жизнь Россіи, а борьба съ горцами на Кавказѣ за отдаленностью послѣдняго и трудностью сообщенія давала слишкомъ мало впечатлѣній русскому интеллигентному обществу. Великое дѣло творилось скромно, исподволь. Кавказской арміи некогда было говорить о себѣ, а писать тѣмъ болѣе.

Севастопольская эпопея и періодъ реформъ, всколыхнувшіе нашу жизнь, не могли и въ литературѣ не измѣнить взгляда на войну и манеры ея изображенія. Литература начинаетъ относиться къ войнѣ критически, смѣло освѣщая ея темныя стороны. Зло войны подчеркивается сильнѣе добра и несомнѣнно такому взгляду способствуетъ сама жизнь. Франція страдала подѣ режимомъ Наполеона III, война 1870 г. способствовала ея обновленію, но этотъ благодѣтельный результатъ совершенно теряется въ послѣдствіяхъ присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи и образованія имперіи, душившей желѣзною гегемоніею слишкомъ сорокъ лѣтъ всю Европу и больше всего саму Германію. Война Россіи за освобожденіе славянъ, при полномъ безкорыстіи Императора Александра II и его народа, дала въ итогѣ преобладаніе Австріи на Балканахъ, опеку державъ надъ издыхающею Турціею, позоръ Европы, и братоубійственную вражду между болгарами, сербами, греками и румынами, слишкомъ дорогую плату за освобожденіе Болгаріи и уничтоженіе Парижскаго трактата. На нашихъ глазахъ борьба балканскаго союза съ Турціею кончилась преобладаніемъ на Балканахъ государствъ неславянскихъ и униженіемъ такой крупной силы славянства, какъ Болгарія. Турція же, потерявъ христіанскія провинціи, очаги мятежа, и пріобрѣтя вѣчно враждующихъ между собой сосѣдей, скорѣе выиграла, чѣмъ проиграла.

Въ итогѣ, литература Россіи второй половины девятнадцатаго вѣка могла съ полнымъ основаніемъ говорить и говорила: война,

великое зло не потому только, что на ней гибнуть сотни тысячъ молодыхъ жизней, оставляя осиротѣвшими свои семьи, не потому, что во время нея замираетъ промышленность и торговля, и государства переживаютъ тяжелые экономическіе кризисы. Великое дѣло требуетъ великихъ жертвъ. Она—зло прежде и больше всего потому, что, начатая во имя самыхъ высокихъ идей—свободы, мира и братства народовъ, защиты угнетеннаго, низверженія тирана,—она кончается всегда порабощеніемъ новыхъ народностей, взамѣнъ освобожденныхъ, зарожденіемъ кровавой вражды между народами, не имѣвшими ея до тѣхъ поръ, торжествомъ грубой силы надъ правдой и замѣной одного ига другимъ.

5.

Никто, кромѣ развѣ Гюго, не подошелъ въ художественной литературѣ такъ близко, настолько вплотную къ вопросу о сущности войны, какъ Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ». О ней писалось такъ много, что я не считаю нужнымъ цитировать безсмертное произведеніе или повторять хотя бѣгло характеристики его героевъ изъ военной среды.

Великій писатель взялъ для изображенія наиболѣе военную эпоху исторіи—«время великой борьбы» начала прошлаго столѣтія съ такимъ богомъ войны во главѣ, какимъ былъ и остался до сихъ поръ геніальный корсиканецъ. Титанъ міровой литературы, освѣщая событія, которымъ минуло болѣе пятидесяти лѣтъ, свободный болѣе или менѣе отъ цензурныхъ вліяній и незаинтересованный въ «хлѣбѣ насущномъ», имѣлъ возможность подойти къ колоссальной задачѣ, сообразно своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ. Толстой могъ бы написать новую «Иліаду» и былъ бы правъ, потому что героями и героической красотой избранная имъ эпоха изобиловала. Онъ могъ бы создать второй «Адъ» изъ «Божественной комедіи» и такъ же былъ бы правъ, такъ какъ наполеоновскія войны и въ особенности походъ въ Россію полны моментами ужаса и трагизма. Но то или другое было бы, при всей красотѣ изображенія, односторонне. Авторъ «Войны и Мира» справедливо предпочелъ рѣзкую прелесть свѣта и мрака порознь сліянію ихъ въ той вѣчной гармоніи, имя которой: «Правда жизни».

И, ставъ на эту точку зрѣнія, великій поэтъ и мыслитель не могъ, въ окончательномъ выводѣ назвать войну ни добромъ, ни зломъ. Убивать людей, разорять государства, губить плоды куль-

туры—теоретически, конечно, зло, но съ другой стороны, отчего зависить война? Путемъ строгаго анализа историческихъ событій Толстой въ «Войнѣ и Мирѣ» доказываетъ, что воля даже такого гиганта, какъ Наполеонъ, не играла рѣшающей роли въ началѣ войны 1812 года. Императоръ французовъ не потому объявилъ войну Россіи, что сознательно хотѣлъ уничтоженія или разгрома послѣдней, но, наоборотъ, самъ былъ орудіемъ въ рукахъ таинственной силы, управляющей судьбами народовъ, равно какъ Александръ I не могъ уступить Наполеону, покоряясь той же силѣ. Иными словами, за начало настоящей войны, поединка двухъ народовъ или цѣлыхъ расъ, не отвѣтственны ни государи, ни народы. Война—такое же стихійное явленіе въ человѣческой жизни, какъ гроза или землетрясеніе въ жизни природы.

Резюмируя изложенное, войну слѣдуетъ признать дѣйствиємъ Высшаго Промысла или судьбы, слѣдовательно необходимою. А поэтому сказать опредѣленно, къ добру или къ злу ведетъ она, не въ нашихъ силахъ, какъ не въ силахъ мы точно отвѣтить на вопросъ, прогрессируетъ ли человѣчество въ его жизни или кружится въ старыхъ изношенныхъ формахъ.

Замѣнить теорію Толстого о войнѣ другой не удалось пока никому въ литературѣ, хотя обширной критикѣ «Война и Миръ» была подвергнута и у насъ, и на Западѣ. Пацифисты возмущаются жестокостями войны, сторонники ея восхищаются проявленіями военнаго героизма и патріотическаго самоотверженія, сравнивая ее съ очистительной грозой. Но въ существѣ своемъ война остается загадкой, начинается сплошь да рядомъ, когда ея меньше всего ожидаютъ, и, начавшись, капризно путаетъ расчеты готовившихся къ ней.

6.

Итакъ, начало войны въ рукахъ Божіихъ. Слѣдовательно, и заключеніе мира тоже. На долю государей и полководцевъ, большихъ и маленькихъ, остается лишь регулированіе большей или меньшей степени важности частичныхъ проявленій стихійной силы, въ цѣляхъ доставить наибольшія выгоды своему государству и арміи и наименьшія таковымъ же противника. Борющіяся арміи похожи въ данномъ случаѣ на пловцовъ, схватившихся въ бурномъ морѣ за одну и ту же доску.

Покорное несеніе всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій войны, вплоть до массовыхъ человѣческихъ гекатомбъ, лежитъ на народѣ: въ арміи непосредственно, въ остальной, не находящейся подъ знаменами, части его—косвенно. Чѣмъ безропотнѣе и смиреннѣе относится онъ къ своей участи, тѣмъ болѣе гарантированъ ему успѣхъ въ борьбѣ, и русскій народъ въ этомъ отношеніи не разъ доказалъ способность на самыя крайнія жертвы хотя бы въ 1612 и 1812 г.г. Патриотическій энтузіазмъ, при всей его желательности, рѣдко распространяется на широкіе круги населенія и быстро гаснетъ при первыхъ неудачахъ, какъ было опять-таки во Франко-прусскую и въ нашу Турецкую войну. Пассивная, убѣжденная стойкость націи—качество болѣе цѣнное, но достается она не дешево.

Художники русскаго слова не могли пройти равнодушно мимо народнаго горя, рожденнаго войной. Съ обычнымъ безпристрастіемъ коснулся его Толстой въ «Войнѣ и мирѣ», нѣсколько горячѣе въ «Севастопольскихъ разсказахъ». Много страстныхъ воплей посвятилъ ему Некрасовъ. Но съ наибольшей рельефностью все-таки выразилъ его Гаршинъ въ своихъ почти автобіографическихъ «Запискахъ рядового Иванова». Отношеніе солдатъ къ турку, какъ бунтовщику, который побилъ много народу и заставилъ десятки тысячъ запасныхъ бросить дома и семьи, чтобы идти усмирять его, характерно, пожалуй, и для нашего времени, хотя «Запискамъ» тридцать лѣтъ. Развѣ русскій народъ не индифферентенъ къ національнымъ различіямъ и не озлобляется лишь тогда, когда его самого непосредственно и слишкомъ явно затронуть? Развѣ миролюбіе и полное отсутствіе шовинизма, не наши основныя черты? Не менѣе жизни вѣрно передаваемое «Записками» настроеніе передъ битвой—«не нужно побѣдить, а, скорѣе нужно умереть», и глубоко-трогательная картина прохожденія полка передъ Царемъ-Освободителемъ, гдѣ послѣдній какъ бы сливался съ его народомъ въ единствѣ страданія. И, наряду съ этимъ простымъ страданіемъ народной массы, оторванной отъ матери-земли и родного дѣла, Гаршинъ не менѣе ярко рисуетъ сложный разладъ интеллигентной души въ разсказахъ «Трусъ» и «Четыре дня на полѣ сраженія». Несомнѣнно, подобныя настроенія имѣютъ мѣсто и въ современной дѣйствительности, и къ чести нашей, въ особенности молодой, интеллигенціи мы еще не утратили въ ея средѣ охотниковъ «пострадать»—безкорыстныхъ мучениковъ идеи братства съ роднымъ народомъ въ тяжкій часъ испытаній.

7.

Изъ современныхъ русскихъ писателей пальма первенства въ смыслѣ написаннаго о войнѣ безспорно принадлежитъ Василю Ивановичу Немировичу-Данченко. Личный другъ покойнаго Скобелева, военный корреспондентъ нѣсколькихъ кампаній, рѣдкій знатокъ арміи и военного быта, маститый писатель далъ родинѣ рядъ романовъ изъ боевой и походной дѣйствительности преимущественно освободительной войны. Не ставя ребромъ вопроса о сущности и законности войны вообще, авторъ съ потрясающей убѣдительно-стью развертываетъ передъ читателемъ колоссальное полотно трагической картины того-же народнаго горя и, увы, горя не столько отъ вражескихъ пуль и гранатъ, сколько отъ собственной неурядицы въ государствѣ и арміи. На каждомъ шагу авторъ съ благоговѣніемъ обнажаетъ голову передъ святой доблестью строевого русскаго офицера и солдата. Вспомните хотя-бы гибель маіора Горталова на Зеленыхъ горахъ («Плевна и Шипка»), поручика Егорова въ «Грозѣ», бросившагося на турецкій редутъ впереди роты съ саблей въ ножнахъ; роту, замерзшую цѣликомъ въ траншеѣ на Шипкѣ («Впередъ»), и сотни другихъ образовъ, отъ которыхъ у cadaго военного слезы навернутся на глазахъ. Но кто же пожинаетъ плоды этой невиданной доблести? Бездарные дипломаты, хищная орда интендантовъ, герои въ тылу, членовъ товарищества Грегера, Горвица и Когана, наживающихся на картонныхъ подошвахъ и «справочныхъ цѣнахъ», штабные Берги и Друбецкіе, кричащіе съ пафосомъ о героизмѣ арміи и славѣ Россіи и берущіе безъ зазрѣнія совѣсти высокіе посты и боевые ордена за кутежи и бездѣльничанье въ безопасномъ тылу. Кровью сочтется упрекъ легкомыслию мечтавшихъ дойти до Константинополя съ однимъ корпусомъ, что родило въ результатъ избіеніе несчастныхъ жителей Забалканской Болгаріи, страшную Плевну и эпически-красивые, но воистину только «Милостью Божіей» спасенные Шипку и Баязеть.

Послѣдній до сей поры русскій народный герой, Скобелевъ, нашелъ въ В. И. Немировичѣ-Данченко, въ полномъ смыслѣ слова, своего пѣвца. Яркими штрихами съ любовью рисуетъ авторъ «Семьи богатырей», «Плевны и Шипки», «Сторожевыхъ огней» и многихъ мелкихъ рассказовъ, гдѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ положеніяхъ, подъ именами то Анисимова, то Волошинова, то просто

«генерала», варьируется въ сущности одна и та же «скобелевская тема», эту оригинальную красивую личность. Но Скобелевъ Немировича-Данченко не безукоризненный олимпіецъ, не гордый титанъ войны, великій безразличіемъ къ пушечному мясу. Онъ—человѣкъ, которому ничто человѣческое не чуждо. Сознательно, ради достиженія главной цѣли, обрекая на смерть цѣлые полки, Скобелевъ, по словамъ автора, послѣ сраженія, терзался такими муками душевнаго разлада между долгомъ полководца и завѣтами человѣчности, что плакалъ. Соответствуетъ ли это художественное изображеніе дѣйствительности—остается, конечно, на совѣсти автора. Для того, чтобы его провѣрить, мало даже знать Скобелева и быть съ нимъ на войнѣ, необходимо быть допущеннымъ въ тайные уголки его интимной жизни: много ли теперь такихъ лицъ въ Россіи, если только есть они еще? Но, пусть даже это обстоятельство—легенда. Какая это красивая и чисто-русская легенда! Стоитъ ли ее разрушать? У Гаршина въ «Запискахъ рядового Иванова» штабсъ-капитанъ Венцель—безусловно «фотографія съ натуры», какъ недавно было доказано біографами покойнаго писателя—плачетъ надъ тѣмъ, что въ его ротѣ погибло пятьдесятъ два человѣка во время упорной атаки деревни, занятой турками. Что же неправдоподобнаго въ скорби и слезахъ Скобелева, облеченнаго несравненно болѣе тяжелой моральной отвѣтственностью, чѣмъ скромный командиръ роты?

Не забыты авторомъ ни заботливость Скобелева о солдатахъ и любовь ихъ къ нему, ни благородное отношеніе его даже къ серьезному проступку, если виновный обнаруживаетъ искреннее желаніе загладить вину. Вспомните хотя бы обращеніе съ бѣглецами съ поля сраженія, становившимся героями отъ предложенія:

— Станьте во главѣ вашей части и ведите ее въ атаку, и я навсегда забуду вашъ позоръ.

А характерное рѣзкое обрываніе всякаго «мыловаренія», попытокъ наущничества, исканія способовъ выдвинуться за счетъ товарищей!

Да одинъ ли Скобелевъ? Развѣ менѣе ярки у автора фигуры Гурко, Радецкаго, Столѣтова, Непокойчицкаго и второстепенныхъ дѣятелей войны?

Съ ѣдкимъ сарказмомъ бичуетъ Немировичъ-Данченко штабныхъ Юпитеровъ и самозваныхъ культуртрегеровъ изъ неудачниковъ петербургскаго высшаго свѣта. Съ какимъ наивнымъ удивленіемъ говорить одинъ изъ первыхъ Анисимову («Семья богатырей»),

возмущающемуся, хорошо не помню чѣмъ,—способомъ ли веденія войны или поведеніемъ дипломатовъ, не допустившихъ занятія Константинополя:

— Я рѣшительно не понимаю, изъ-за чего ты волнуешься. Вѣдь тебѣ тоже рѣшили дать... Я не помню хорошенько что, но знаю навѣрное, что рѣшили непременно...

А одинъ изъ вторыхъ, не успѣвшій окончить ни одного учебнаго заведенія въ изученіи увеселительныхъ мѣстъ и особенностей международныхъ «этуалей» Петербурга, хлыщъ, заявляетъ князю Черкасскому на вопросъ послѣдняго, какое мѣсто онъ желаетъ занять въ гражданскомъ управленіи Болгарин:

— Я полагалъ бы, князь, что, по моимъ способностямъ и происхожденію, я могъ бы на первое время удовольствоваться должностью... вице-губернатора...

Не перечтешь всего, живого и яркаго, несмотря на тридцатипятилѣтнюю давность. Много говорятъ въ настоящее время о сохраненіи тайны, военной цензурѣ и т. п. И вспоминается эпизодъ изъ романа «Гроза». Сестрѣ милосердія понадобилось узнать, гдѣ расположенъ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Придя въ штабъ арміи, она, послѣ многихъ мытарствъ, добралась до самого начальника штаба, отвѣтившаго ей категорическимъ отказомъ:

— Не могу-съ, не могу-съ. Мѣсто расположенія войскъ составляетъ тайну. Не могу-съ.

Вышла бѣдная изъ штаба, стала обращаться къ проходящимъ офицерамъ:

— Помилуйте, отвѣчаетъ каждый, я самъ не знаю, гдѣ мой полкъ.

И вдругъ, на ея счастье, проходилъ мимо еврей-маркитантъ.

— Вамъ нужно такой то полкъ? И вамъ никто сказать не можетъ, гдѣ онъ? Вамъ еврей сказать можетъ. Онъ тамъ то.

И назвалъ съ точностью мѣсто расположенія полка.

— Возмутительно! воскликнулъ кто то изъ офицеровъ.—Намъ не говорятъ, а жиду-маркитанту извѣстно!

Жидъ только лукаво улыбнулся.

— Какъ же можно, чтобы намъ не извѣстно было? Кто-же удовольствоваться васъ будетъ?

Не знаю, извѣстно ли въ настоящее время сынамъ Израиля на западной границѣ, гдѣ расположены части, въ которыя они отправятся дѣлать гешефты, но мнѣ извѣстны случаи незнаія офицерами

запаса черезъ 5—6 дней послѣ явки частей, въ которыя они назначены.

Г.г. блюстители военной тайны! Не забывайте мудрыхъ изреченій.

Одно гласить: «Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ», а другое:

«Исторія повторяется».

8.

Славный уголокъ въ безконечной исторіи войнъ Россіи—Туркестанскіе походы—имѣетъ талантливаго бытописателя въ лицѣ покойнаго Каразина, бывшаго ихъ участникомъ. Уступая силой таланта Немировичу-Данченко, Каразинъ имѣетъ съ нимъ много общаго въ манерѣ письма и идейномъ направленіи. Та же симпатія къ скромнымъ героямъ, беззавѣтно идущимъ съ ротой или сотней на десятки тысячъ туземцевъ, и антипатія къ хищнымъ ловцамъ дешевыхъ лавровъ. Произведенія Каразина, — либретто къ туркестанскимъ картинамъ Верещагина, и въ своей скромной сферѣ этотъ писатель пока не имѣетъ соперниковъ и даже болѣе или менѣе талантливыхъ послѣдователей. А жаль. Жизнь нашихъ средне-азиатскихъ колоній, контрастъ между мірами востока и запада—благодарная тема для беллетриста даже въ мирное время.

Въ отличіе отъ Немировича-Данченко, Каразинъ, однако, совершенно не касается психологическихъ и общественныхъ вопросовъ, и его герои—не граждане, а солдаты по преимуществу, простые, цѣльные натуры, вродѣ коменданта «Капитанской дочки». Лучшимъ изъ его произведеній, по моему мнѣнію, является «Наль», гдѣ на фонѣ боевой обстановки сталкивается этотъ міръ простыхъ духомъ и потому непобѣдимыхъ русскихъ героевъ съ мистическимъ міромъ невѣдомаго востока и, побѣдивъ физически, остается побѣжденнымъ духовно, именно вслѣдствіе излишней прямолинейности и простоты мышленія.

Изъ военныхъ писателей-беллетристовъ, писавшихъ о войнѣ, армія, къ сожалѣнію, выдвинула только Бутовскаго въ войну 1877—78 г.г. и Краснова въ девятисотыхъ годахъ. Бутовскій при-
мыкаетъ къ Гаршину и Немировичу-Данченко, но у него нѣтъ глубокаго психическаго анализа перваго и огненной страстности втораго. Онъ не страдаетъ отъ душевнаго разлада передъ грознымъ вопросомъ «зло или нѣтъ—война, имѣетъ ли онъ право убивать

людей или нѣтъ?». Не задается онъ и цѣлями критиковать ходъ войны и обличать темныя стороны героев штабовъ и интендантства. Мягкими, свѣтлыми тонами, особо ему присущими, рисуетъ онъ въ военныхъ разсказахъ изъ Турецкой войны типы строевыхъ офицеровъ и солдатъ, изъ которыхъ наибольшими симпатіями автора пользуется характерный, вѣрно подмѣченный и частый въ народѣ, образъ скромнаго, застѣнчиваго съ виду, зауряднаго человѣка, преображающагося въ рѣшительную минуту въ героя и воля въ то время, какъ прежніе хвастуны и гордецы, надъ нимъ смѣявшіеся, прячутся въ заднихъ рядахъ. Преклоненіе передъ безкорыстнымъ идеализмомъ, любовь къ своимъ скромнымъ героямъ, простота и безыскусственность творчества,—достоинства таланта Бутовскаго и жаль, что увлеченіе публицистическими темами лишило армію и русскую литературу его чисто-художественныхъ произведеній.

9.

Произведенія Краснова принадлежатъ уже періоду боксерскаго возстанія и Русско-японской войны. Если первый можно сравнить съ вихремъ, промчавшимся надъ Русью, предвѣстникомъ бури и всколыхнувшимъ ея стоячія болота, то вторая была уже настоящей грозой, дорого намъ стоившей и, казалось бы, заслужившей быть тронутой перомъ писателя-художника. Однако, Японская война оказалась въ изящной литературѣ также непопулярна, какъ и въ русскомъ народѣ. Прошло около десяти лѣтъ и что мы имѣемъ о ней въ беллетристикѣ? Нѣсколько небольшихъ повѣстей и разсказовъ Немировича-Данченко, значительно уступающихъ его вещамъ изъ Русско-турецкой войны, хорошо начатый и задуманный романъ его же «Братскія могилы», до сихъ поръ ждущій продолженія въ печати, «Красный смѣхъ» Леонида Андреева, да «Погромъ» Краснова. Все остальное—мелочь, не стоящая выше матеріала для настоящаго творчества. А вѣдь, какъ ни брани эту войну, въ ней было немало и красиво-героическихъ моментовъ, и потрясающаго трагизма и трудно смывающейся грязи и позора.

Немировичъ-Данченко въ своихъ послѣднихъ военныхъ повѣстяхъ и разсказахъ горячо и вполне справедливо защищаетъ честь русской женщины-подвижницы въ роли сестры милосердія. Возможно, что подъ сѣнью Краснаго Креста попадались въ минувшую войну ловкія авантюристки или просто легкомысленныя женщины и дѣвушки, плохо проникшіяся сознаниемъ святости и отвѣтствен-

ности взятаго ими на себя подвига, но это оостоятельство далеко не давало права русскому обществу говорить, что война проиграна въ значительной степени потому, что наше офицерство больше думало о пьянствѣ, картежничествѣ и флиртѣ съ «сестрами», чѣмъ о служебныхъ обязанностяхъ. Легко вообще судить и рядить изъ прекраснаго и безопаснаго далека. Вѣдь, принимая во вниманіе тяжелую работу строевого офицера и сестры милосердія, такое утвержденіе равнялось афоризму «армія и госпиталя ея находятся въ состояніи полнаго разложенія». Неужели, если-бъ это было справедливо во всей полнотѣ, побѣда надъ нами досталась бы нашимъ врагамъ такъ дорого. Впрочемъ, плевки толпы въ лицо—неизбѣжная участь каждаго истинно-великаго подвига. Только фальшивая, но издали ярко-кричащая мишура не боится ихъ. Романъ «Братскія могилы» въ первой части не касается военныхъ дѣйствій, но широко и не безъ яду рисуетъ настроеніе передъ войной столичнаго свѣтскаго общества, полнѣйшее незнаніе врага и силъ его, преувеличенно высокое мнѣніе о своихъ, хищные аппетиты дѣльцовъ, мечтающихъ поживиться на счетъ народной крови и силъ, настроеніе молодежи, грозный призракъ идеи панмонголизма. Заканчивается эта часть полученіемъ извѣстія о нападеніи японцевъ въ Портъ-Артуръ на нашъ флотъ, извѣстія, встрѣченнаго въ столицѣ общимъ недоумѣніемъ и растерянностью. Никто не ждалъ, что дѣйствительность взглянетъ въ глаза такъ сурово и безпощадно.

«Красный смѣхъ» одно изъ неудачныхъ произведеній Леонида Андреева. Обладая, повидимому, весьма слабымъ фактическимъ матеріаломъ, авторъ весь ушелъ съ головой въ психическія страданія своего героя, врядъ-ли душевно-нормальнаго и до войны. Идея о тяжести современныхъ войнъ вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія ихъ обстановки на нервную систему бойца въ высшей степени интересна, но герой «Краснаго смѣха» производитъ впечатлѣніе не художественнаго типа, а сфотографированнаго съ натуры слабого неврастеника, превратившагося подъ вліяніемъ массоваго страха и отчаянія въ настоящаго психопата. Единичные примѣры такихъ явленій бывали всегда во времена общественныхъ бурь. Вычурность же и манерность андреевскаго письма отнимаютъ во многихъ мѣстахъ и у этого героя послѣднюю правдоподобность. Короче, взявъ большую художественную задачу, авторъ совсѣмъ не художественно скомкалъ ее, и ни одинъ читатель съ серьезными запросами не найдетъ возможнымъ судить о послѣдней войнѣ даже отчасти на основаніи «Краснаго смѣха».

Что касается Краснова, то, судя по его произведеніямъ, относящимся къ войнѣ, а именно «Въ Манчжурской глуши» и «Погромъ», изъ которыхъ первое, на мой взглядъ, выше въ художественномъ отношеніи, я бы поставилъ его рядомъ съ Всеволодомъ Крестовскимъ и Маркевичемъ. То же богатство фантазіи, разнообразіе фабулы и тотъ же недостатокъ и психологической критики. Оба романа легко читаются, но также легко и забываются. Въ «Погромъ» характерно сочувствіе героя Куропаткину, не лишнее, быть можетъ, основаній. Критическое отношеніе къ нападкамаъ извѣстной части печати на бывшаго главнокомандующаго мнѣ самому приходилось замѣчать въ офицерской средѣ. Психологія такого настроенія, во всякомъ случаѣ, вполне ясна: арміи трудно примириться съ мыслью о неспособности, какъ полководца, бывшаго начальника штаба и друга Скобелева. Кто правъ—армія или гонители его, скажетъ только исторія.

10.

Настоящій бѣглый очеркъ, конечно, не исчерпываетъ всего написаннаго о войнѣ въ русской художественной литературѣ. Я старался лишь не пропустить наиболѣе оригинальныхъ и общезвѣстныхъ произведеній и даже готовъ согласиться съ тѣмъ, что и къ обзорѣннѣ послѣднихъ отнесся, какъ говорится «на скорую руку». Но въ мою задачу не входило ничего болѣе, кромѣ желанія обратить вниманіе читателя на различныя въ разное время точки зрѣнія творца-художника на войну и ея задачи.

Мы переживаемъ удивительное время. Вся Европа находится въ войнѣ и вся Европа въ манифестахъ своихъ государей и рѣчахъ государственныхъ людей увѣряетъ, что всегда желала и желаетъ только мира.

И это не ложь, не фарисейство. Выгоды побѣды въ европейской войнѣ для воюющихъ сторонъ не могутъ быть велики, кто бы ни оказался побѣдителемъ. И съ той и съ другой стороны друзья и союзники не дадутъ изъ ревности и страха кому-нибудь изъ нихъ чрезмѣрно усилиться на счетъ пѣбѣжденнаго. Возвращеніе Франціи Эльзаса и Лотарингіи, открытіе Россіи проливовъ, запрещеніе Германіи имѣть флотъ, замѣна Австріи пятью-шестью мелкими государствами, расширеніе Сербіи, Румыніи, Болгаріи будутъ простыми актами международной справедливости, возстановленіемъ, нарушеннаго политическаго равновѣсія.

Отрицательныя же стороны подобной войны многочисленны и ужасны, въ особенности, если она затянется. Тогда Европѣ не миновать грознаго экономическаго кризиса и, быть можетъ, цѣлаго ряда революцій.

Надежда ея—скорое окончаніе войны и долгій миръ. Война—печальная необходимость, очистительная жертва.

И истинный художникъ слова не можетъ, отражая, какъ въ зеркалѣ, въ произведеніяхъ творчества взгляды и идеалы своего поколѣнія, искать въ войнѣ другого величія, другой красоты, чѣмъ красоты и величія безкорыстнаго подвига родного народа, скрѣпляющаго, какъ цементомъ, кровью камни храма цивилизаціи; на фронто́нѣ котораго съ каждой новой войной все ярче и ярче горитъ девизъ:

— «Вѣчный миръ».

Б. Кривцовъ.

